

Иосиф Циммерманн

*На карусели
сломанной эпохи*

Иосиф Циммерманн

На карусели сломанной эпохи

«Автор»

2026

Циммерманн И. А.

На карусели сломанной эпохи / И. А. Циммерманн — «Автор»,
2026

«На карусели сломанной эпохи» — тихий, пронзительный очерк о судьбах семей Коваль и Корнейчук, чья жизнь разворачивается в казахстанском посёлке с солнечным названием Аккемир. На фоне распада привычного уклада, вынужденных переездов и утрат, история становится размышлением о памяти, старости и любви — той самой, что удерживает человека, когда мир вокруг рушится, а время теряет прежний ход.

© Циммерманн И. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Об авторе	5
Предисловие	7
Коваль	8
Селиванова	10
Некрасова	14
Корнейчук	15
Олэся	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

На карусели сломанной эпохи

Глава

Об авторе

Иосиф Антонович Циммерманн – писатель, работающий на стыке документальной прозы, семейной хроники и литературного свидетельства. В центре его внимания – судьба человека в переломные исторические моменты, автобиографическая память, история малых мест и нравственный выбор персонажей.

Его проза сдержанна и кинематографична, основана на живых деталях и личном опыте, но выходит за пределы частной истории, становясь разговором о времени и ответственности перед обществом.

Очерки Иосифа Циммерманна объединены общим замыслом – монументальным произведением о родине, о земле и людях совхоза «Пролетарский», создаваемым под общим названием «Илек помнит всё».

«На карусели сломанной эпохи» станет завершающей частью этого цикла...

Предисловие

Наверное, ни один век прежде не породил такого безжалостного смещения человеческих судеб, какое выпало двадцатому. Время сорвалось с привычной оси и закружилось, как бешеная карусель, не давая удержаться – ни сильному, ни слабому. Вихри двух мировых войн, социалистической революции, рождение и распад советского государства подхватывали людей, ломали их привычный ход жизни, метали из одной крайности в другую, словно щепки в мутном омуте.

Эпоха радикально перекроила само основание человеческого существования: собственность, социальный статус, веру, язык, память, представление о добре и зле. Людей стремительно вырывали из прежних ролей и насильно помещали в новые – крестьянин становился рабочим, офицер – «врагом народа», сын – доносчиком, сосед – раскулаченным и ссыльным.

В этом времени нельзя было просто жить – в нем приходилось выживать, приспосабливаться, угадывать, молчать или говорить не своим голосом. Прошлое становилось опасным, память – подозрительной, родство – обузой. Человек учился ходить по тонкому льду меняющихся обстоятельств, не зная, выдержит ли следующий шаг. И именно на этой осатанелой карусели сломанного века рождались истории, в которых частная жизнь оказывалась не менее трагичной и значимой, чем сама История с большой буквы.

Коваль

Немецкий дорф, аккуратный и тихий, как игрушечный, жил своей выверенной, почти показательной жизнью. Прямые улочки сходились к площади, где по воскресеньям звонили колокола кирхи – негромко, уверенно, как будто мир вокруг был раз и навсегда устроен правильно. За низкими заборами тянулись ухоженные сады, аккуратно подрезанные, без лишней ветки, без сорной травы. Поля за околицей лежали ровными полосами, посевы – как по линейке. Даже воздух казался здесь иным – чистым, словно просеянный сквозь мелкое сито. Люди ходили степенно, дети смеялись задорно, и окна домов смотрели в мир без опаски.

И только если отойти чуть в сторону, за последние дома, этот мир внезапно обрывался...

Глядя за колючее ограждение, он думал не о свободе – о дороге. Она была там же, за проволокой. И уходила в сторону, к тем самым улицам немецкого поселения, по которым люди шли, не считая шагов. Его звали Семен Иванович Коваль. Он родился первого мая тысяча девятьсот двадцатого года в Казахстане, на станции Тамды, куда его семью занесло из Полтавы еще во времена столыпинских переселений. Дед его был цыганом. Семья жила на берегу реки, при собственной кузне.

В начале войны солдат разделил судьбу сотен тысяч красноармейцев, оказавшихся в немецком плену из-за растерянности, плохой организации и ошибок командования. Когда Германия капитулировала и лагерь «освободили» свои, свобода оказалась словом неточным: все те же бараки, те же вышки, та же проволока – только таблички стали другими, и охранники говорили уже на родном языке. Немецкий концентрационный лагерь просто получил новое название – советский фильтрационный. Быть в плену считалось преступлением, и потому война для Семена Ивановича не закончилась ни в мае сорок пятого, ни в день освобождения, ни в день, когда над лагерем сменили флаг...

справа Коваль Семен Иванович

Селиванова

В редкие минуты передышки девушка с жадным, почти детским восторгом смотрела в окно движущегося состава. За стеклом проплывала Германия – аккуратная, выверенная, будто собранная терпеливой мастерской рукой. Небольшие поселения с ровными улочками, домики с красными черепичными крышами, ухоженные сады, поля, разбитые на строгие квадраты. На станциях и на улицах стояли водяные колонки – и из них без всякого особого труда, словно по мановению волшебной палочки, текла чистая вода.

Всякий раз, глядя на все это, она невольно вспоминала отчий край. Где даже зимой стирали белье в реке, ломая лед или заходя по колено в холодную воду. Как ту же воду носили для питья – в ведрах, на коромыслах. Как полы в хатах выравнивали глиной, смешанной с коровьим навозом, и это считалось нормой, единственным возможным укладом. Сравнение приходило само собой и не требовало слов.

Вера Леонтьевна родилась первого января тысяча девятьсот двадцать пятого года – вероятно, где-то под Львовом. В старом, выцветшем свидетельстве с расплывшейся печатью уже невозможно разобрать точное место рождения. Сама она считала, что родом из Винницкой области. Мать, Кристина Андреевна, была полькой. Отец – Селиванов Леонтий Иванович. Детство у Веры было тяжелым. Мать умерла, когда ей было всего семь лет. Отец, оставшись один, во Львове отдал девочку «на работу к полякам» – в семью военных врачей. С их помощью Вера окончила три класса школы и выучилась на повара.

Вместе с хозяевами она ушла на фронт – воевать с фашистами. Они попали на «летучку» – санитарный поезд, который собирал раненых и увозил их в тыл. Состав курсировал без конца и без счета, и вместе с ним ехала и она. Стирала бинты, кипятила их, перевязывала раны, поила, поддерживала, хоронила. Вся ее война прошла на колесах – среди крови, усталости и чужой боли.

Об этом она рассказывала редко и неохотно. Чаще всего отмахивалась:

– Да что там... я только бинты стирала.

Но за этими словами стояли тысячи спасенных жизней, бессонные ночи, холодные вагоны и дорога, которая вела от станции к станции...

начало семьи Веры и Семена Коваль

Они столкнулись в узком госпитальном коридоре – почти буквально. Пол еще не успел высохнуть после утренней уборки. Вера только что выжала тряпку и, наклонившись, проводила ею вдоль стены, когда за спиной послышались торопливые шаги. Семен шел быстро, задумавшись, и не заметил ни предупреждающего ведра, ни блеска воды под ногами.

Он поскользнулся неловко, резко, будто пол внезапно ушел из-под него. Ударился плечом о стену, выругался сквозь зубы и на мгновение потерял дыхание – и вместе с ним мысль о том, зачем вообще сюда шел.

Вера обернулась. Подхватила его и усадила на скамью у входа в ближайшую палату. Молодой мужчина едва сдерживал стон, прижимая руку к плечу. Она молча расстегнула гимнастерку и осторожно, наполовину сняв ее, осмотрела плечо – нет ли вывиха или перелома. И только потом сказала:

– Ничего... ушиб. Посидите.

Он сидел, глядя на ее руки – уверенные, привычные к чужой боли, – и вдруг понял, что все остальное вокруг стало неважным. Коридор, война, дорога, усталость – все отступило куда-то в сторону.

Она сходила за водой, принесла влажную тряпку, велела приложить к плечу. Потом вернулась еще раз – проверить, не усилилась ли боль, удобно ли сидит рука.

Спустя год после войны Семен увез ее к себе на родину...

Мало сказать, что львовянка была в шоке. Казахстан встретил ее не просто чужой землей – другим миром. Ветер здесь не дул, а резал. Зимой он летел прямо с голой степи, без преград, без пощады, выдувая тепло из домов, из одежды, из самих людей. Мороз держался неделями, и казалось, что он никогда не отступит. Летом же земля трескалась от жары, воздух дрожал, а пыль стояла столбом, забиваясь в глаза, в рот, в складки одежды. Никаких удобств. Воду носили издалека, топили чем придется. Ни угля, ни дров – вместо них сушеный навоз, кизяк. Его собирали, складывали, сушили под солнцем, а потом жгли в печах. Он дымил тяжело, едко,

пропитывая все – стены, одежду, волосы. К этому запаху нельзя было привыкнуть сразу. Но он въедался даже в память.

Жили бедно. Очень бедно. Еды не хватало, вещей – тоже. Все было либо изношенным, либо переделанным, либо доставшимся «по случаю». Мир вокруг казался серым, огрубевшим, лишенным всякой красоты.

Позже Вера признавалась, что в первые месяцы ей было по-настоящему страшно. Настолько, что иногда приходили мысли – не выдержать, не дожить. Она говорила об этом тихо, будто стыдясь:

– Я тогда... чуть руки на себя не наложила.

Ее пугало все – пустынная степь, чужая речь, холод, нищета, ощущение, что назад дороги больше нет. Что война, которую она пережила на колесах санитарного поезда, была легче, чем этот мирный, но беспощадный быт.

Но были дети. Был дом, каким бы убогим он ни казался. Была работа – тяжелая, ежедневная, не оставляющая времени на отчаяние. Нужно было вставать, топить печь, готовить, стирать, идти, делать, возвращаться. День за днем. Человек привыкает ко всему. Это тоже было про Веру Леонтьевну. Она привыкла. Не сразу, не без боли – но привыкла. И не ожесточилась. Оставалась удивительно доброй. Она никогда ни о ком не говорила плохо – даже тогда, когда имела на это полное право. Не жаловалась, не осуждала, не копила злость. Внуки, уже много позже, вслух называли ее ангелом. И в этом не было преувеличения...

Когда-то Семену предложили работу в совхозе «Пролетарский» и дали дом на центральной усадьбе – в поселке Аккемир. Силикатный, четырехкомнатный, он стоял у дороги, ведущей к отделениям Леваневское, Шевченко и Восток, напротив совхозного склада, с открытым, широким видом на реку Илек.

Вера Леонтьевна Коваль – кавалер ордена „Материнская слава“ I степени, мать девятерых детей: Анатолий (1948), Николай (1950), Сергей (1953), Татьяна (1955), Андрей (1958), Наталья (1961), Юрий (1962), Виктор (1964), Ирина (1966).

Некрасова

Место ее рождения до сих пор вызывает споры – и, пожалуй, будет вызывать их всегда. Даже у внуков и правнуков. Кто-то уверенно говорил о Владикавказе, о горной Осетии – суровой, древней, без границ и сторон, какие позже прочертят на картах. В этих рассказах легко возникали тесные ущелья, каменные селения, дома, цепляющиеся за склоны, и люди, державшиеся за род и племя. Но документы говорили другое. В них значилось четко и сухо: Ставропольский детский дом. Город Ворошиловск – так он тогда назывался. Ставрополь. Не Владикавказ.

В бумагах значится дата ее рождения – седьмое ноября тысяча девятьсот двадцать девятого года. День Октябрьской революции?! Была ли это настоящая дата или удобная, придуманная для отчета, сказать уже невозможно. Ведь день и месяц, совпадающие с главным советским праздником, могли быть выбраны работниками детдома задним числом.

Родителей она не знала вовсе. Самые первые ее воспоминания начинались уже с детского дома – длинные коридоры, общие спальни, чужие лица. Все, что было прежде, исчезло за плотной завесой забвения.

Время было голодное. Возможно, родители его не пережили. А может, сделали страшный выбор – избавиться от лишнего рта. Ответа нет. Остаются только догадки.

Люди же любили договаривать недостающее. Многие замечали – или им лишь казалось, – что внешность у девочки была необычная: не совсем русская. В чертах угадывалось что-то южное, темное. Чернявая, с темными волосами и сильным голосом, она уже с ранних лет производила впечатление человека жесткого и решительного. Поговаривали – мол, ребенок полуосетинка. Народ по-своему объяснял ее характер, ее резкость и упрямство, примешивая к этому «кавказскую кровь».

Но и это оставалось лишь слухами. В бумагах значилось другое: эвакуация детского дома из Ставрополя. Ни слова о горах, ни слова о роде и племени. Кем она была на самом деле – осетинкой или украинкой – никто не может дать однозначного ответа.

Ее будут звать Евдокией. Петровной. Достались ли ей имя и отчество от кровных родителей – вопрос без ответа. А вот с фамилией все доподлинно известно: воспитатели взяли ее с потолка – просто записали Некрасовой.

Когда началась война, детский дом спешно готовили к эвакуации. Все происходило впопыхах, почти вслепую: тревога, суeta, быстрые сборы. Детей выводили и грузили в эшелон, толком ничего не объясняя – просто уводили подальше от надвигающейся беды. Одна из воспитательниц, не скрывая слез, помахала рукой в сторону вокзала, удаляющегося в окнах поезда, и сквозь стук колес прокричала:

– Прощай, отчий порог...

В дороге состав с детьми попал под бомбардировку. Взрывы рвались где-то рядом, земля гудела, вагоны дрожали, но, по счастливой случайности, эшелон почти не пострадал. Тогда это казалось чудом – одним из тех редких везений, о которых потом вспоминают всю жизнь. Детей увозили далеко, на восток – в Узбекистан, прочь от войны, разрухи и голода.

В Дусе всегда чувствовалась горячая кровь. То ли сказались происхождение и корни, то ли суровая жизнь сироты – но это давало о себе знать в резкости движений, прямоте характера и умении постоять за себя. Она была боевая, острая, не склонная к покорности, словно внутри нее жила память о чем-то утраченном, но не сломанном. В Узбекистане, ставшем за эти годы почти родным, в свои двадцать два она встретила свою судьбу...

Корнейчук

На территории завода было непривычно тихо – почти гробовое безмолвие. Не гудели печи, не скрипели вагонетки на узкоколейках. Завод опустел: вместе с оборудованием и грузовиками исчезла и масса рабочих.

Лишь где-то в глубине звякали несколько лопат, царапая старую кирпичную кладку. Рабочие рыли ямы у оснований обжиговых печей, выбивали камень из фундамента, оголяя нутро горнов. Со взрывчаткой работал военный сапер – молчаливый и сосредоточенный.

Солнце стояло высоко, почти над самой головой. Тени жались к ногам – полуденный свет был жестким, июльским.

– Корнейчук! – крикнул бригадир, заметив молодого мужчину, застывшего у стены. – Ты шо там встал, як в гостях? Иди, подсоби.

Владимир ответил не сразу. Печальным взглядом мужчина смотрел на печь.

– Так, Михалыч... – глухо отозвался он. – Та у мене руки не піднімуться. Мій дід це строїв. Батька тут робив... А я, виходить, знищу?!

– Ты что, с фашистами заодно?! – зло рявкнул начальник участка. – Приказ есть приказ. Все разрушить. Чтоб врагу не досталось!

Сапер, не поднимая головы, аккуратно уложил заряд. Кирпич, обожженный огнем более чем полувековой истории, ждал своего последнего часа.

А рядом текла Немилянка – равнодушная, летняя. Она невольно подглядывала за тем, как в первые недели войны в Каменном Броде Житомирской области рушили заводы – спешно, под глухой гул фашистского наступления.

На фронт Владимира не взяли – как ценному специалисту оборонного производства ему дали бронь. Вместе с заводом его эвакуировали в узбекский Янгиюль. Предприятие продолжило работать по своему прямому назначению, выпуская продукцию, необходимую фронту.

Лишь после Победы завод был переведен на мирные рельсы. В Янгиюле его перепрофилировали – теперь здесь выпускали кирпич, нужный для восстановления разрушенной страны. Большинство работников вернулось в Каменный Брод, где заново поднимали оборонное предприятие. Владимир же остался. Узбекистан свел его с Евдокией Некрасовой. Они поженились. Там у них родились Валера и Галина...

*односельчане: Мурат Алмагамбетов, Маруся Искужина,
Алмажан и Елюбай Исенгарины*

Плацкартный вагон поезда Ташкент – Москва гремел и раскачивался. Верхние рамы окон были опущены – все до одной. Врывающийся в движущийся состав горячий степной ветер не приносил пролады, но хоть немного разгонял душливую духоту.

На верхней полке дремали дети – Валера и Галина, прижавшись друг к другу. Евдокия сидела у окна. Владимир молчал. Он думал.

Из родного села, из Житомирской области, ему писал отец. Неровным почерком жалился на здоровье. В письмах все чаще звучала просьба – возвращайся, сын. И тут же – предупреждение: после войны кругом нищета, бесхлебье, жить тяжело. Маму уже давно похоронили...

На северо-западе Казахстана, ближе к станции Кандагач, стало чуть свежее.

– Это потому что Илек, – сказала казашка с бокового места, перехватив его взгляд. – Река рядом. Только она нас и спасает.

Разговорились. Просто, по-дорожному. Попутчица назвалась Марусей Искужиной.

– А вы куда всей оравой? – спросила она, кивнув на ребяташек.

Владимир неожиданно для себя ответил честно:

– Сами не знаем.

Женщина встревожилась.

– Так нельзя... с детьми – и не знать дороги.

Помолчала секунду и вдруг оживилась:

– А давайте к нам. В Аккемире сойдем. Совхоз у нас богатый. В Дорурсе и работа есть, и жилье.

Маруся наклонилась к окну и ткнула пальцем в проносящийся пейзаж:

– Смотрите, какая красота. Земля плодородная. Народ приветливый.

Владимир посмотрел на Евдокию. Взял ее ладонь в свои.

– А что? – тихо сказал он. – Отца потом тоже сюда заберем.

В окно вагона уже была видна приближающаяся станция: две многометровые водонапорные башни, выбеленное длинное здание железнодорожного вокзала.

– Вон, посмотрите, меня муж встречает, – показала пальцем Искужина. – Зовут Мутий. Работает на элеваторе, завскладом, и еще секретарь партийной организации. Он вам обязательно поможет здесь устроиться...

Поезд продолжил свой путь уже без них. На перроне маленькой станции начиналась биография новых жителей Аккемира – семьи Корнейчук. Уже здесь появятся на свет Анна и Анатолий...

Мутий Искужин

Олеся

Девочка невольно замерла на пороге и демонстративно вдохнула – глубоко, жадно, словно боялась не успеть вобрать все сразу. Знакомая до мелочей бабушкина сельская кухня встречала ее теплом и запахами. Самодельный стол и такие же табуретки, выкрашенные густой синей краской. Деревянный пол – в местах стертой, коричневого цвета краской. В углу – печка, украшенная голубыми цветочками: хозяйка когда-то вырезала их из картошки и, окуная в синьку, наносила прямо на выбеленные стены. На стенах – рушники. На окнах – тюлевые занавески. В воздухе стоял густой запах борща и свежих пирожков, вперемешку с тяжелым, резким духом дихлофоса. Где-то лениво жужжали вездесущие мухи – неизменные обитатели лета и кухни.

Как и прежде, на все три летних месяца трех двоюродных сестер привезли из Актюбинска к бабушке Коваль в Аккемир. Олеся – один из двух детей дочери Татьяны. Надя и Оля – дети сына Николая. Девочки были почти ровесницами: Надя – 1973 года, Олеся – 1974-го, а Ольга младше их – 1976 года.

Олеся, как на украинский лад называла ее Вера Леонтьевна, гостила у бабушки чаще других. Нередко их семья навещалась в Аккемир на выходные и праздники. Внучка буквально напрашивалась оставаться в поселке на все школьные каникулы.

– Олэся, ну шо ж ты, як чужа, на пороге стоишь? – голос Веры Леонтьевны с мягким украинским акцентом вернул внуку в реальный мир. – Иди уже, обнимемся... Поцелуй бабулю.

Фигура длинноногой, хрупкой девочки-подростка еще сохраняла детскую угловатость. Узкое лицо, большие глаза, в которых читалась внимательная, почти взрослая сосредоточенность. Ровно подстриженная челка обрамляла лоб, длинные светлые волосы свободно падали на плечи. Черты ее лица были мягкими, но в них уже угадывался характер – не капризный, скорее внутренне собранный, сдержанный.

Внучка сорвалась с места, подбежала и крепко обняла бабушку, уткнувшись лицом в ее грудь. На глаза невольно навернулись слезы – тихие, без всхлипов, будто от переполненности.

– Бабуль... ангелочек... – прошептала она. – Можно я у тебя навсегда тут останусь? И в школу здесь ходить буду.

– Опять двадцать пять, – сказала Татьяна, входя в дверь. – Доченька, каникулы только начинаются. А ты уже про отъезд печалишься. Живи этим днем.

Она улыбнулась и, обращаясь уже к своей матери, добавила:

– Мам... Я впервые вижу городского ребенка, который мечтает жить в деревне...

В Аккемир Олесю впервые привезли совсем крохой – восьмимесячной. Молодая мама Татьяна, в замужестве Грызлова, тогда училась в строительном техникуме, постоянно сдавала экзамены и сессии. Понятное дело, забота о ребенке легла на бабушку. За внучкой в поселковом доме надолго закрепилась своя, отдельная спальня.

Девочка наизусть, в деталях, запомнила всех ковальских дворовых стражей. Одного из них звали Джек. Бело-рыжий, гладкошерстный, чем-то похожий на алабая, хотя им, скорее всего, не был. Простой и добрый пастуший пес. Зимы тогда были настоящие – белоснежные, трескучие, с таким морозом, что воздух звенел. Запах печного дыма стоял густой и теплый – его невозможно было ни с чем спутать и невозможно забыть. Джек возил Олесю на санках: его привязывали, и он терпеливо тянул ее по снегу. Он прожил долгую жизнь, состарился, ослеп на один глаз и однажды тихо, не прощаясь, ушел в степь...

После Джека в доме появился другой пес – тоже не на привязи. Его звали Куцик. Полуболонка, полудворняга – лохматый, с волосами, закрывающими глаза, невысокий, но и не мелкий, рыжий с сединой и темными прядями, словно природа зачем-то сделала ему пестрое «мелирование». Забавный и смешливый, Куцик был любимцем всей окраины поселка.

Он всюду ходил с дедушкой Семеном: и на работу, в МТМ, и за коровами, и просто по делам. С бабушкой он отправлялся в магазин за хлебом, с детьми бегал по поселку, летом ходил на речку. Где бы ни были свои – там был и он. Он не сторожил, не охранял – он сопровождал. Был частью движения, частью жизни. Куцик был настоящим членом семьи. Почему его так называли – никто уже толком не помнил. Может, из-за коротковатого, куцевого хвоста...

Кроме Куцика тогда появились и настоящие сторожа. На заднем дворе, на привязи, жила черная немецкая овчарка Альфа – с чуть выгоревшей шерстью, строгая и внимательная. А спереди, у дома, стоял на страже Волчок – восточно-европейская овчарка, крупная, спокойная, надежная...

Олеся просыпалась медленно, нежась в белоснежной постели из перин с гусиным пухом – тех самых, что бабушка Вера собирала годами, кропотливо, по перышку. Тело еще не хотело вставать, тянулось, и старые пружины кровати тихо заскрипели под ее движением.

Солнечный свет пробивался в комнату сквозь тюлевые занавески, мягкий, рассеянный. Окна в Аккемире были простые – с переплетами, без форточек. В жару из нижнего ряда вынимали одно стекло, а внешний проем затягивали марлей, спасаясь от мух. Через нее в дом проникал воздух, наполненный запахами поселка: горячей земли, дыма печей во дворах и пыли дороги.

С улицы доносились звуки – глухой выхлоп проехавшего трактора, ленивый лай собак, возня кошек, крик петухов. Все это смешивалось в один живой, привычный хор, без которого село было бы невыносимо.

Девочка лежала и думала. Ей всегда хотелось жить именно здесь – в Аккемире, уехать сюда навсегда и быть тут. Душой и сердцем она была здесь. А в городе ей было скучно и неинтересно. Характер у нее такой – она редко с кем сближалась. Были, конечно, пара подружек, но в целом она была девушкой своенравной. Если человек не нравился – она с ним не дружила. Притворяться не умела и не хотела.

А вот аккемирские ребята... она и сама не знала, чем они ее околдовали. Наверное, своей простотой и прямоотой. Она ведь и сама была такой. Да и вообще – вся эта атмосфера...

– Ты сегодня вставать собираешься? – на пороге появилась бабушка. – Уже, поди, обід. Вон, друзья твои на речку пішли – заходили за тобой. Та я тебе не стала будити.

Лежебока потянулась, улыбнулась и ясно почувствовала: утро в полдень бывает только здесь – у бабушки-ангела, в ее любимом Аккемире...

Летняя кухня была пристроена к дому, и из нее можно было сразу попасть внутрь. На столе уже дымились блинчики – румяные, тонкие, сложенные стопкой, рядом стояла миска со

сметаной. За столом уже сидели двоюродные сестры, говорили наперебой, смеялись, макали блины и тянулись друг через друга к сахарнице.

Надя и Оля управились быстро. Наспех доев, они вскочили из-за стола. Хлопнула дверь и дом сразу стал тише.

За окном же раздался звонкий детский смех – живой, неудержимый. Надя и Оля толкались и наперебой добивались места на качалке в тени старого, могучего карагача. Перекладина качелей одним концом опиралась на брус, другим – на развилку ствола. Цепи тихо позвякивали, доска покачивалась, и двор будто оживал вместе с их смехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.